

ЛИТЕРАТУРА О НЕМ:

Ашин Г.К. Охотский Е.В. Курс элитологии. М., 1999.

Владимиров А.В. Итальянская школа политической социологии (традиции и современность) // Социологические исследования. 1976. №4.

Газенко Г.В. Концепции власти в итальянской политологии рубежа XIX-XX веков. М., 1988.

Зотов А.А. Гаэтано Моска: утрата веры в демократические идеалы (отказ от аксиоматики «естественного права») // История теоретической социологии. Т.2. М., 1998.

Самсонова Т.В. Концепция «правлящего класса» Г.Моски // Социологические исследования. 1994. № 10, 12.

Albertoni E. Gaetano Mosca. Storia di una dottrina politica. Milano, 1978.

Albertoni E. Gaetano Mosca e la teoria della classe politica. Firenze, 1974.

Bobbio N. Saggi sulla scienza politica in Italia. Bari, 1971.

Dell'Erba N. Gaetano Mosca. Socialismo e classe politica. Milano, 1991.

Meisel J.H. The Myth of the Ruling Class. Gaetano Mosca and the «Elite». Ann Arbor: The University of Michigan Press, New York, 1958.

Г. МОСКА

МЕТОД В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ*

I. Происхождение и цели политической науки.

II. Почему выбрано это название.

III. Экспериментальный метод и возникновение науки.

IV. Различные способы применения этого метода в политической науке.

I. В течение многих веков в умах различных мыслителей появлялась гипотеза, что развертывавшиеся у них перед глазами социальные явления не случайны по своей природе и не следствие сверхъестественной и всемогущей воли, а проистекают из постоянных психологических закономерностей, которые обуславливают действия человеческих масс. Начиная с Аристотеля, предпринимались попытки открыть законы, которые управляют этими закономерностями, и формы, в которых они протекают, а исследование, посвященное этому предмету, получило название «политика».

В шестнадцатом и семнадцатом веках многие авторы, особенно в Италии, изучали политику¹. Тем не менее, они, начиная с самого известного из них — Макиавелли, занимались не столько выявлением этих, уже указанных нами, неизменных и присущих всем человеческим обществам закономерностей, сколько изучали искусство, благодаря которому человек или класс людей могли в данном конкретном обществе завоевать высшую власть и защититься от тех, кто хотел посягнуть на нее. Речь идет о двух явлениях, которые, несмотря на определенное совпадение между ними, все же, в сущности — различны². Пример,

* Перевод выполнен по изданию: Mosca G. La classe politica. Milano, 1996. Часть I. Глава I.

¹ Феррари в своем «Курсе по итальянским политическим писателям» (Milano, 1862) насчитал их несколько сотен, и почти все из них относятся к названным векам.

² Различие между политикой как искусством правления (Staatskunst) и политикой как наукой править (Staatswissenschaft) было обрисовано Хольтцендорфом, хотя и, по правде говоря, не очень точно и ясно, в двух первых главах его книги «Principes de la politique. Introduction a l'etude du droit public contemporain» («Принципы политики. Введение в исследование современного публичного права»). Перевод на фр. Лером. Hamburg, 1887.

который, как мы полагаем, будет очень уместным, покажет это лучше, чем длинное рассуждение. Политическая экономия изучает законы или постоянные тенденции, которые в человеческом обществе определяют производство и распределение богатства, но это знание никоим образом не тождественно искусству обогащаться и хранить богатство. Экономист высочайшей квалификации может быть реально абсолютно неспособным на то, чтобы нажить себе состояние, а банкиру, промышленнику, биржевому дельцу, которые, хотя и могут иметь некоторое представление об экономических законах, все же не нужно быть учеными, и им удастся достаточно хорошо делать свое дело, даже если они полностью игнорируют эти законы.

II. В наши дни исследование, начатое Аристотелем, разделилось и специализировалось, так что вместо одной науки у нас есть целый ряд политических наук. Вместе с тем, была предпринята попытка синтезировать, обобщить достижения этих наук, что и привело к возникновению социологии. Специалисты по публичному праву, интерпретировавшие и комментировавшие позитивные законы, почти всегда пытались исследовать общие тенденции, которые управляли этими законами, и историки, описывавшие исторические события, частенько стремились из их изучения вывести законы, которые управляли ими и определяли их. Этим в античности занимались Полибий и Тацит, в шестнадцатом веке — Гвиччардини, в девятнадцатом — Маколей и Тэн. Философы, теологи, юристы, все те, кто прямо или косвенно ставил своей целью совершенствование человеческого общества и поэтому исследовал законы, которые определяют его организацию, могут — по крайней мере, отчасти — рассматриваться как ученые в области политических наук. Таким образом, добрую половину человеческого знания, всю ту необъятную массу интеллектуальных усилий, которые человек посвятил изучению своего прошлого, выяснению своего происхождения, изучению своей моральной и социальной природы, можно рассматривать как посвященные этим наукам.

Но среди политических или социальных наук только одна достигла к данному времени такой научной зрелости, что благодаря надежности и обилию полученных ею результатов она оставила все другие дисциплины позади за собой. Мы имеем в виду политическую экономию.

Действительно, в конце восемнадцатого века ряд глубоких умов отделил явления, связанные с производством и распределением богатств, от других социальных явлений, и, рассматривая их изолированно, им удалось определить многие из неизменных психологических законов или тенденций, которым они подчиняются. Все же если, с одной стороны, изоляция экономических явлений от предметов других социальных наук и особенно утвердившийся способ рассматривать их как независимые от явлений, которые касаются организации политической власти и объясняют быстрое развитие политической экономии, то, с другой стороны, это, возможно, является главной причиной того, что некоторые постулаты этой науки все еще являются дискуссионными. Таким образом, координируя собственные наблюдения с теми, что касаются иных сторон человеческой психологии, политическая экономия сможет сделать новые и решительные шаги вперед³.

Бесспорно, тем не менее, что невозможно исследовать закономерности, которые определяют организацию политической власти, не учитывая результатов, уже полученных политической экономией, этой ее уже достигшей зрелости наукой-сестрой. Мы назовем исследование вышеназванных закономерностей, что и составляет предмет нашего труда, «политической наукой». Мы выбрали это наименование, потому что ранее оно уже было использовано в истории человеческого познания, потому что еще не вышло из употребления⁴ и также потому что новое название «социология», которое после Огюста Конта было принято многими, все еще не является достаточно определенным и точным и, в об-

³ В последние двадцать или тридцать лет появилась тенденция объяснять все политические события, которые происходили в истории человечества, исходя из изучения экономических явлений. В Италии эта дерзкая концепция была развита Лориа в книге «Экономическая теория политического устройства» (Togliano, 1886). Как нам кажется, этот подход является чрезмерно односторонним и исключительным. Существуют социальные или политические явления, например, возникновение и распространение великих религий, возрождение некоторых наций, создание крупных военных монархий, которые нельзя объяснить исключительно изменениями в распределении богатства, или борьбой между капиталом и пролетариями, или же борьбой между движимым и недвижимым капиталом, как хотел бы того Лориа.

⁴ Оно было использовано, помимо уже цитировавшегося Хольтцендорфа, также и Блюнчли, Доннатом, Сколари, Брохэмом, Шелдон-Амосом, Де Парье, Поллоком и другими авторами девятнадцатого и двадцатого веков.

шем употреблении, подразумевает все социальные науки как экономические, так и те, которые имеют своим предметом изучение законов преступности, вместо того, чтобы заниматься изучением явлений, которые, собственно, и специально называются политическими.

III. Наука всегда является результатом системы наблюдений, проделанных в отношении явлений определенного рода благодаря специальным усилиям и с помощью соответствующих методов и обобщенных таким способом, чтобы можно было установить бесспорные истины, которые являются недоступными для обыденного и всеобщего наблюдения.

Математические науки представляют собой самый простой и легкий пример показать то, как развивается научный процесс. Аксиома является результатом наблюдения, которое доступно для всех и истинность которого очевидна и для непосвященных; оперируя различными аксиомами, приходят к доказательству самых простых теорем, и, далее, соединяя положения, выведенные из этих теорем, с исходными аксиомами, приходят к более сложным теоремам, истинность которых для того, кто не имеет отношения к этим наукам, нельзя установить ни интуитивным, ни опытным путем. Это же происходит в физике и других естественных науках, но в них метод начинает усложняться новыми элементами: часто для доказательства истины, которую мы назовем сложной, то есть недоступной для первого взгляда, недостаточно собрать воедино много наблюдений, и в большинстве случаев те положения, которые в математике являются аксиомами, добываются здесь благодаря одному эксперименту или длительному опыту. И то, и другое имеет значение только тогда, когда осуществляется посредством специальных, выверенных методов и специально подготовленными людьми.

При возникновении отдельных наук подлинное научное развитие почти всегда обязано своим появлением удачным гипотезам, которые потом проверяются экспериментально и посредством наблюдения фактов и которые, в свою очередь, объясняют очень многие другие эксперименты и факты. Почти всегда длительный период господства эмпиризма, ошибочных систем, которые препятствовали объединению данных, собраны в отно-

шении отдельных явлений, несовершенных и ошибочных методов наблюдения, предшествует подлинно научному периоду данной дисциплины. Так, в течение многих веков астрономия и химия развивались под покровом заблуждений и бредней астрологии и алхимии. Только после того как человеческий разум был утомлен за долгое время таким порядком вещей, обилие накопленных наблюдений, улучшение методов и материальных средств наблюдения, интуиция и долготерпение глубоких умов разработали вышеупомянутые удачные гипотезы и сделали возможной подлинную науку.

Из сказанного нами легко вывести, что при данном порядке вещей для получения подлинных научных результатов недостаточно того, что вытекает из системы наблюдений и экспериментов. Френсис Бэкон, как и, возможно, многие мыслители и авторы нашего времени, заблуждался по поводу абсолютной способности этой системы получить научное знание⁵. В конце концов, уже упомянутые астрология и алхимия были основаны на действительных или мнимых наблюдениях фактов и опыте: но метод наблюдения или, лучше сказать, точка зрения, которая все это направляла и обобщала, была в корне ошибочной. Знаменитый Мартин Дель Рио, когда писал свою книгу «*De disquisitione magicarum*» («О магическом изыскании» — *A.P.*) полагал, что опирается на наблюдение фактов, определяя различия между любовным, вредоносным и снотворным колдовством и описывая искусство и наклонности ведьм и колдуний, и, более того, даже считал, что его опыт должен будет помочь ему открыть их и предохраниться от них. Думали, что исходят только из наблюдения фактов и предшествовавшие Адаму Смитту экономисты, которые связывали богатство наций с деньгами или с сельским хозяйством; на почти универсально признанные своими современниками факты и опыт опирался и так ярко описанный Мандзони Дон Ферранте, ученый, типичный для семнадцатого века, который хотел доказать посредством внешнего и по форме совер-

⁵ Фрэнсис Бэкон, как известно, сравнивал опытный метод, которым, впрочем, пользовались задолго до него, с циркулем, который обещает даже руке, не имеющей необходимой сноровки, начертить правильный круг, то есть получить точные научные результаты (смотри Маколея, «*Essais politiques et philosophiques*» («Политические и философские опыты»), перевод Гизо, Париж, 1872, изд. Мишель Леви).

шенно логичного и позитивного рассуждения невозможность заражения при контакте с больным бубонной чумой.

IV. Политическая наука, как мы полагаем, еще даже не вступила в период подлинно научного развития. Несмотря на то что иной ученый, представляющий ее, может увидеть многое, что ускользает от внимания непосвященного, тем не менее, похоже, она еще не в состоянии предложить комплекс бесспорных истин, признанных всеми теми, кто посвящен в эту дисциплину, и еще в гораздо меньшей степени она обзавелась признанным всеми научным методом. Причины этого обстоятельства различны, но мы теперь воздержимся от развития нашей мысли в этом направлении. Скажем только, что, по всей видимости, их нужно связывать не столько с недостатком умов, размышлявших на политические темы, сколько со сложностью явлений, которыми они занимались, и прежде всего с почти полной невозможностью, что имело силу еще несколько десятилетий назад, располагать достаточным по объему и точным знанием о фактах, из изучения которых можно было бы вывести представление о законах или постоянных тенденциях, которые определяют политическое устройство человеческого общества.

Несмотря на то что мы можем считать их неполными или недостаточными, наш долг тем временем заключается в быстрой проверке различных методов или систем идей, с помощью которых и по сию пору проводятся исследования в политической науке. Некоторые из них еще не оформились и являются не чем иным, как лишь философским, теологическим или рациональным оправданием определенных типов политической организации, что было в течение веков важным делом и иногда является таковым и поныне. Таким образом, как мы увидим далее, одна из наиболее стабильных социальных тенденций заключается именно в том, чтобы объяснять и защищать посредством рациональной теории или веры в сверхъестественное форму существующего политического строя или же бороться с ней. Поэтому мы имеем политическую науку, служащую обществу, в котором в человеческих душах еще преобладает вера в сверхъестественное, и потому функционирование политических властей находит свое объяснение в воле Бога или Богов, и имели и имеем и другую политическую науку, которая стре-

мится преподнести легитимные власти как результат свободного и спонтанного выражения народной воли, иначе говоря, большинства индивидов, которые составляют данное общество. Мы должны, тем не менее, заняться в первую очередь двумя из этих методов и систем политического наблюдения, которые имеют наиболее объективный и универсальный характер и стремятся найти законы, с помощью которых объясняется существование всего наблюдаемого в мире разнообразия форм политического устройства.

Эти два метода таковы: первый ставит политическую дифференциацию различных обществ в зависимость от варьирования окружающей среды и прежде всего климата страны, второй же связывает ее с присущими разным человеческим расам физическими и, вследствие этого, психологическими различиями. Один делает превалирующим в социальных науках фактор окружающей среды, другой — этнический и соматический факторы. Оба, бесспорно, являются очень важным компонентом в истории науки, а также и в современной науке, и имеют характер явно вполне позитивный и опытный, что и делает возможным исследование их истинного научного значения.

Перевод А. Б. Рахманова